

Антон Кобышев

Будущее
это
не только
ты

литературный конкурс

Проект особого
значения

ЗАСЛОН

ЛитРес

16+

Антон Коньшев
Будущее – это не только ты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67696640

SelfPub; 2022

Аннотация

Человечество на своём веку пережило несколько революций – неолитическую, индустриальную, две научно-технические. Возможно, переживёт и генно-технологическую. Возможно.

Антон Коньшев

Будущее – это не только ты

1.

Несильно, но чувствительно кольнуло в левом боку.

Каждый раз, когда он просыпался, организм неизменно приветствовал его этим уколом. Жильбер говорил, надо обследоваться. Говорил, мало ли чего там у тебя колет, запустишь болячку, намаешься потом. Обследоваться Габу очень не хотелось. Да и зачем? Кольнёт один раз и всё. Вот и сейчас.

Он осторожно потянул носом воздух, прислушиваясь к ощущениям. Бок удовлетворённо помалкивал, зато по спине вдруг побежали мурашки, горячие и шустрые. Спину, что ли отлежал?

– Очнулся, кажется, – голос с заметным бретонским акцентом прозвучал из той части пространства, что почему-то не поддавалась точному определению – не то сверху, не то сзади.

– Здоровый, однако. Я ему двойную дозу всадил. Минимум час ещё должен быть без сознания.

Этот говорил чисто, но резче и басовитее.

В замешательстве Габ подождал продолжения. Его не последовало. Тогда он осторожно приподнял ставшие на удивление тяжёлыми веки.

Ровный тусклый свет выхватил невысокий потолок с двумя рядами выключенных ламп, по сторонам угадывались такие же невзрачные серые стены. А ещё приторно пахло чем-то едким и сладким.

Потом над ним склонились двое. Он различал их лица сквозь зыбкий, волнами накатывающий туман. Одно угловатое, с выступающими скулами, глубоко посаженными глазами и совершенно неуместным здесь вздёрнутым носом. Второе будто сплюснутое с боков, с карикатурно поникшими уголками губ и большими грустными глазами.

И выражение на этих лицах было одинаковым – настороженным и обеспокоенным одновременно.

– Лежите спокойно, Габриэль, – пробасил сплюснутый, – пожалуйста, лежите спокойно. На вас обездвижитель. Это временно. Вашей жизни ничего не угрожает. Просто, – он запнулся, бросил быстрый взгляд на напарника и с мягкой улыбкой закончил, – просто нам очень нужна ваша помощь.

– Вы кто? – морщась, одними губами выговорил Габ. Во рту у него пересохло, в горле саднило, а небольшое усилие сразу отозвалось сильной головной болью. – Кто вы такие? Что со мной?

– Лежите спокойно, – словно не слыша его, повторил сплюснутый, – ничего страшного не произошло.

Он положил широкую холодную ладонь на мокрый лоб Габа, считал показания, удовлетворённо кивнул и, видимо, собирался ещё что-то добавить, но Габриэль уже трясся, как

в лихорадке, дико вращая выпученными глазами, и мычал что-то нечленораздельное.

– Чего это он? – забеспокоился бретонец.

Сплюснутый недоумённо пожал плечами, потом перевёл взгляд на свою руку и, не сдержавшись, выругался.

На левом запястье в такт биению сердца тускло мерцали четыре буквы – UVUM.

Он резко почти вплотную наклонился к дёргающемуся в тщетных попытках освободиться Габу и заговорил. Быстро, горячо, чеканя каждое слово:

– Слушайте меня, Габриэль. Слушайте внимательно. Меня зовут Эрик, моего напарника..., впрочем, неважно. Да, это UVUM. Да, мы похитили вас и привезли сюда в бессознательном состоянии против вашей воли. Но вреда вам не причинят. Вы поняли меня, Габриэль. Никакого вреда. Нам нужна только ваша помощь. Просто помощь, Габриэль. И перестаньте постоянно вызывать альтерэго. Нейросеть заблокирована, а у вас и так давление скачет, как сумасшедшее.

Габ и сам уже понял. Привычный, стилизованный под распахнутое окно в его комнате с видом на бескрайнее поле ярко-жёлтых подсолнухов интерфейс никак не желал появляться перед мысленным взором. Это пугало и окончательно сбивало с толку.

– Пятнадцать минут, – напомнил бретонец.

Эрик коротко кивнул, сказал, понизив голос:

– Третья и вторая уже должны быть на местах. Сообщений

нет.

– Наружка же молчит, – пожал плечами бретонец, – центр тоже. Хотя, погоди-ка.

Оба замерли, вчитываясь в полученное сообщение, потом их лица одновременно потемнели и ещё больше осунулись.

– Третья – пустой, – поникшим голосом произнёс Эрик. – Вторая...

– Да, – подтвердил бретонец, – жаль ребят.

– Всё, больше никого не осталось.

Теперь они молча смотрели на Габа. Так смотрят на безнадежных больных, после применения нового экспериментального лекарства, на приговорённых к смерти, в ожидании запаздывающего помилования, на сакральную жертву, которой в последний момент великодушные жрецы оставят жизнь, ограничившись небольшим увечьем. На внезапно воскресшего мертвеца.

Габу стало так страшно, что он почти перестал дышать.

Как это могло случиться с ним? Каким образом он, Габ, фермер из глухомани, оказался в руках фанатиков?

В голове, панически скомканные, вспыхивали образы, воспоминания, какие-то посторонние мысли. Они накладывались друг на друга, толкались, рассыпались, перемешивались и путались, мешая собрать воедино полную картину случившегося за последние часы.

Вот он выходит из дома. Половица на крыльце привычно скрипит. Габ нарочно её не меняет, ему нравится это тягучее

пление настоящего дерева. В руках у него чашка с кофе. Кофе горячий. А вот ночь ещё свежая, ещё не душная. Ночь. А сейчас, интересно, что? Сколько он провалялся без сознания? Снова скрипит половица. Габ успевает повернуться. И больше не успевает ничего. Только краешком стремительно угасающего сознания фиксирует две размытые полупрозрачные тени и медленно-медленно падающую на пол чашку.

«Перепутали! – мысленно вскидывается он, – они меня с кем-то перепутали!»

– Вы меня с кем-то перепутали, – на этот раз слова дались легче, голос почти не сипит.

– Нет, – коротко бросил Эрик, отвернулся, прислушиваясь, повторил, – нет, не перепутали. Хватит трястись, Габриэль. Это плохо влияет на состояние вашего здоровья. А нам очень важно доставить вас в целостности и сохранности. Так сказать, в здравом уме и твёрдой памяти. Это, кстати, и в ваших интересах.

Памяти. Ну, точно же. Теперь Габ окончательно убедился в правильности своего предположения. Память, UVUM, фанатики – всё сходится.

– Точно перепутали, – торопливо, почти захлёбываясь словами, снова заговорил он, – я, в смысле памяти, я вам вообще не нужен. Я не опасен и бесполезен. Я поврежденец, слышите, поврежденец. У меня и документ есть. Заключение, то есть, официальное, с детства ещё. Да вы сами проверьте! Вы же можете, у вас альтерэго не заблокировано.

– Пять минут, – бесстрастно напомнил бретонец, с сомнением окинул взглядом Габа и предложил, – может, его снова отключить, а?

Эрик покачал головой.

– Не нужно. Сам пойдёт.

Он присел на корточки рядом с Габом, снова приложил ладонь к его лбу, пошевелил губами, считывая показатели, и принялся объяснять ровным деловитым тоном:

– Сейчас сюда прибудет борт. Наш борт. Грузимся очень быстро. Отключать вас снова я не стану. Напротив, сейчас сниму обездвижитель и вы сможете передвигаться самостоятельно. Вам понятно?

Габ старательно закивал.

– Мы вам не враги, – повторил Эрик, внимательно всматриваясь в лицо Габа, – не враги. Готовы? Тогда я снимаю...

– Чёрт! – крикнул бретонец, – Сигнатура фальшивая! Эрик, это «Наследие»!

В тот же миг, как его тело вновь обрело способность двигаться, Габ резко сложился пополам и, что было сил, выпрямился, целясь ногами в грудь Эрика.

2.

За двести девять лет до описываемых событий.

Фрагмент ток-шоу «Субботний вечер с Линдой Ленгел»

Линда Ленгел: Мир вокруг меняется так стремительно, что порою сложно отличить мнимое от настоящего. В нескончаемом потоке окружающей нас информации стоит

немалого труда уловить именно то, что может в корне изменить нашу жизнь. Разглядеть ростки будущего, зёрна грядущих эпохальных перемен, отделяя их от плевел второстепенного, сиюминутного и преходящего.

Сегодня в студии, как всегда я, Линда Ленгел, и у нас в гостях те, кто, смею надеяться, прольют свет на причины и суть события, буквально взорвавшего инфосферу и вот уже почти шесть месяцев являющегося ключевой темой в новостных сводках. Прежде всего, позвольте представить наших экспертов: профессор Национального института генетики, доктор биологических наук господин Такуми, основатель и бессменный руководитель Эдинбургской лаборатории психогенетики господин Кентвелл, а также один из самых авторитетных социологов нашего времени господин Вальенте.

От имени канала, всех наших зрителей и подписчиков и себя лично искренне благодарю вас за отзывчивость и готовность помочь расставить все точки над *i* в этом животрепещущем вопросе.

Итак, тема, без всякого преувеличения, волнующая сейчас если не большинство, то значительную часть человечества – насколько вероятна и научно допустима сама идея передачи генетической памяти и стоит ли вообще рассматривать всерьёз заявление, сделанное группой неизвестных учёных, именующих себя Независимым институтом изучения проблем геронтологии?

Вальенте: Наверное, я начну, да? Во-первых, давайте не

будем преувеличивать степень ажитации вокруг обозначенной проблемы. Как вы совершенно справедливо заметили, Линда, мы живём в информационном обществе. То есть на утлом судёнышке с одним веслом стараемся не пойти ко дну в огромном и бурном океане постоянно меняющейся информации. Всё новое, необычное, сенсационное и просто способное привлечь внимание непрерывно многочисленными потоками выносятся на поверхность и пребывает там ровно столько, сколько нужно до появления нового раздражителя.

Линда Ленгел: Но полгода – это существенный срок даже для сенсационной новости.

Вальенте: Не стану спорить. Тем не менее, если не подбрасывать в костёр дрова, в скором времени он потухнет сам.

Линда Ленгел (с лёгкой иронией): Это камень в наш огород?

Вальенте: Нет, что вы. Просто крохотный камешек. Поверьте, через месяц-два тема утратит актуальность и уступит место другим, более востребованным. Хотя, вынужден признать, определённый след в массовом сознании и массовой культуре, безусловно оставит. Другими словами, круги по воде будут расходиться ещё долго. Но только круги.

Линда Ленгел: И всё же. Декларируемый факт существования генетической памяти и вероятная возможность передачи её потомкам напрямую через генетический код – разве это не может считаться революцией в научном познании? Разве это не открывает новые, невиданные доселе горизонты

развития человеческой цивилизации?

Такуми: В том-то и дело, что не факт! По сути мы имеем неприкрытую и весьма грубо сработанную подмену понятий. Генетическая, или лучше сказать, генная память так, как она понимается человеком далёким от науки – это всего лишь химера, прибыльный бизнес для разного рода экстрасенсов и коучеров. Весьма популярный миф сродни вере в чудодейственные свойства зелёного кофе или в телепатию.

Линда Ленгел: То есть никакой генной памяти попросту не существует?

Такуми: Разумеется, существует. Наши инстинкты, наши безусловные рефлексы, цвет глаз, черты лица, темперамент, предрасположенность к тем или иным болезням – вот наша истинная генная память.

Вальенте (игриво): Уважаемый коллега хочет сказать, что восхитительные ноги нашей очаровательной ведущей это тоже в какой-то степени память рода.

Такуми: Боязнь темноты, высоты, одиночества – всё это мы унаследовали от тысяч и тысяч поколений наших предков. А то, что предлагают новоявленные пророки от генетики, просто физически невозможно.

Линда Ленгел: Но вы же ознакомились с материалами. Можете прокомментировать?

Кентвелл: Только в общих чертах. Как вы знаете, в свободный доступ были выложены два варианта теории так называемого Независимого института. Один, в стиле науч-

но-популярной литературы, адресован, так сказать широкому кругу читателей, и носит абсолютно популистских характер. В другом, якобы адресованном научному сообществу, содержатся весьма расплывчатые описания неких экспериментов и их результатов. Должен признать, что теоретическая база исследования представляет определённый интерес...

Линда Ленгел: Сейчас должно прозвучать неизбежное «но», не так ли?

Кентвелл: Вы совершенно правы. При тщательном, то есть собственно научном анализе работы легко обнаруживается её полная несостоятельность.

Такуми: И это ещё мягко сказано! Простите, коллега, что перебиваю. Нам предлагают принять за революционный прорыв в генетике некое чудовищное нагромождение постулатов! Лично у меня сложилось впечатление, что некто свалил в одну кучу всё, до чего смог дотянуться скудным своим умишком. Тут и репрессии и экспрессии генов, и роль мРНК и белков в транскрипции «мусорной ДНК», и какие-то абсолютно несусветные аксиомы эпигенетики. Аксиомы! Идею выделения и сохранения энграмм с их последующей архивацией и передачей потомству кроме, как бредовой я никак охарактеризовать не могу.

Линда Ленгел: Другими словами, это абракадабра?

Кентвелл (уклончиво): Не совсем так. Я имел в виду несколько иное. Прежде всего, однозначно слабым местом

работы является полное отсутствие детально прописанного механизма кодировки и архивации не столько даже наследуемых морфологических признаков организма, сколько именно знаний, умений и навыков, приобретаемых человеком в течение жизни. Одним из важнейших критериев истины, как известно, является практика. То есть возможность неоднократного повторения эксперимента с неизменно идентичными результатами. Вот этой-то возможности нас как раз и лишают.

Линда Ленгел (с ноткой сожаления в голосе): Что ж, похоже, нам остаётся только мечтать о чём-то подобном. И всё же, давайте лишь на минуту допустим существование и практическое применение такой технологии. Будет ли она востребована? Как повлияет на нашу жизнь? Мы станем умнее? Перешагнём, наконец, рубеж, неизбежно отделяющий поколения друг от друга?

Вальенте: А ведь вы задали далеко не праздный вопрос, Линда. Начнём с того, что человек – существо довольно эгоистичное. Нет, я не собираюсь здесь и сейчас отрицать непреходящее значение коллективизма и альтруизма в эволюции общества. Но подумайте, только подумайте, насколько изменился бы процесс социализации, получи мы доступ к памяти родителей.

Такуми (запальчиво): Наследственность! Вы забываете про наследственность, коллега.

Вальенте: Отнюдь. Как и о многих других факторах, пе-

речислять которые сейчас не вижу смысла. Вопрос в другом. Удастся ли убедить людей думать не только о жизненно важных и насущных проблемах в их настоящем, но и о будущем, в котором – внимание! – их, этих самых людей, уже нет! Про лошадь и водопой нужно? Не нужно? Хорошо. Пообещайте человеку идеальное здоровье, долголетие или даже бессмертие, и он, если и не поверит сразу, то призадумается. Пообещайте, что правнуки будут с рождения обладать интеллектом взрослого человека – и он вполне резонно заинтересуется, какая от всего этого польза лично ему? Как это ни прискорбно, но альтруизм хомо сапиенс не распространяется на поколения вперёд. В противном случае нам не пришлось бы исправлять ошибки предков, а нашим потомкам искупать уже наши грехи. И всё же...

Линда Ленгел (заинтересованно): И всё же?

Вальенте: Исключительно на правах фантастического допущения я могу предположить, как минимум одну предпосылку, я подчёркиваю, предпосылку признания обществом самой идеи передачи генной памяти.

Линда Ленгел (нетерпеливо): Так не томите нас!

Вальенте (задумчиво): Скажем, это могут быть конкурентные преимущества. При всех надвигающихся семимильными шагами автоматизациях, компьютеризациях и прочих достижениях научно-технического прогресса такая неизбежная вещь, как конкуренция, в человеческом обществе не исчезнет никогда. Приобретёт другие векторы и фор-

мы, но не исчезнет. Соперничество – это то, благодаря чему мы выжили как вид. И не важно, соперничество ли это с силами природы за право жить, или с другом за поцелуй девушки, суть от этого не меняется. Кстати, это затрагивает гигантский пласт этических проблем!

Линда Ленгел (осторожно): Поправьте меня, если ошибусь, но в ваших словах слышится готовность признать за открытием права на существование, не так ли?

Вальенте (пожимая плечами): Неолитическую, индустриальную, несколько научно-технических революций человечество успешно пережило, существенно при этом изменившись. Почему бы не случиться революции генетической? В конце концов, в Средние века люди понятия не имели о существовании, скажем, радиации, однако это не означает, что её в то время не существовало.

Линда Ленгел: Доктор Такуми?

Такуми: Хочу напомнить, что никто до сих пор понятия не имеет, что представляет из себя этот так называемый Независимый институт? Где располагается и кем финансируется? Простите мою приземлённость, но независимость – это абсурд. Современная наука, а тем более наука фундаментальная требует огромных капиталовложений.

Кентвелл: От себя добавлю, что ни мне, ни моим многочисленным коллегам не известно ни одной научной публикации, чьё авторство могло бы принадлежать учё... хм, работникам Независимого института.

Такуми: Вы правы. Совершенно незнакомые научному миру имена. Кстати, об именах. Смит, Шмидт, Кузнецов, Ковалевский, Напах и Форжерон? Это шутка или откровенная насмешка?

Линда Ленгел: Действительно, странно. Если не ошибаюсь, все они...

3.

Удар вышел на славу. Даром что ли Габ каждый день добросовестно делал зарядку. Эрик отлетел метра на два, да ещё и проехался на спине по полу, почти уткнувшись головой в ноги бретонца.

Габ живо, не дожидаясь пока похитители придут в себя, вскочил на ноги и принялся крутить головой, соображая, где здесь может быть выход. Тот обнаружился сам собой и в совершенно неожиданном месте.

Быстро сориентировавшийся бретонец одной рукой уже помогал напарнику подняться, а другую весьма недвусмысленно выбросил в сторону Габа, когда низкий, утробный гул накрыл их лавиной, вдавливая глаза и ушные перепонки внутрь черепа, а одна из стен вздрогнула, покрылась мелкой сеткой причудливых трещин и в одно мгновение растворилась в воздухе, втянутая раскрывшейся вакуумной воронкой. И начался хаос.

В образовавшийся проём хлынули звуки, вспышки, люди, с ног до головы окутанные вызывающим головокружение мерцанием. Габ и пикнуть нее успел, как его, плотно зажа-

того с двух сторон, сноровисто и деловито уже волокли вон из помещения. Бретонец из положения сидя и Эрик прямо так, не вставая, били короткими очередями куда-то вверх, в обнажившееся небо.

«У них оружие, – мелькнула у Габа запоздалая мысль, – я никогда не видел оружия».

Сверху со змеиным шипением обрушился водопад ослепительных искр, и люди стали падать, как подкошенные, страшно, сразу, безмолвными манекенами с неестественно вывернутыми конечностями.

Габ споткнулся, упал на одно колено, потому что справа поддерживать его было уже некому, извернулся, как смог, всем телом и только сейчас разглядел метрах в тридцати нависающий серебряный овоид, неспешно и величественно, словно в предвкушении, разворачивающийся носом в его, Габа, сторону.

– Ложись! – Эрик бежал к нему, отчаянно жестикулируя и указывая свободной рукой на овоид. Следом, подволакивая ногу и пригнувшись, торопливо ковылял бретонец. – Ложись, Габ!

Снова ударило по ушам. Габ взвыл, Эрик рухнул от сильного толчка в спину, а серебристая машина вдруг замерла, нелепо дёрнулась и принялась сминаться с противным хрустом, разбрызгивая вокруг ошмётки корпуса и омерзительные розовые куски плоти.

К тому моменту, когда на землю рухнул вращающийся по

инерции искорёженный диск монолопасти, Габа успели затолкать в салон другого, державшегося в полуметре от земли вертолёта, и тот рванул в влево и вверх, резко набирая высоту и одновременно отстреливая десятки фантомных копий, широким веером разлетавшихся во все стороны.

– Цел? – хрипло спросил Эрик, один глаз у него заплыл, а по подбородку змейкой стекала кровь. – Не задело?

Габ растерянно ощупал себя, помотал головой.

– Вроде, нет, – неуверенно ответил он.

Его снова трясло. Пальцы рук заметно дрожали, голос норовил дать петуха, а перед глазами мельтешили чёрные мушки.

– Зачем? Зачем это всё? Я ведь говорил, что не опасен. Что бесполезен.

– Хорошо, что цел, – Эрик широко, с видимым облегчением улыбнулся треснутыми губами, – погоди-ка, тут вот ещё что...

Он покопался в нагрудных карманах комбинезона, выудил оттуда предмет, похожий на крохотный фонарик, весело подмигнул и быстро поднёс его к лицу Габа.

На этот раз в боку не кололо. Прыгающих по спине мурашек он тоже не чувствовал. Габ лежал и размышлял, стоит ли открыть глаза или лучше пока не выдавать себя. Что-то подсказывало, что лучше лежать. Сквозь закрытые веки пробивался свет. Было тихо, тепло и мягко.

– Давайте так, Габ, – голос у говорившего был мягким, доброжелательным и спокойным, – минут пять можете поваляться. А потом приступим к делу.

– Да ладно, чего уж, – смущённо пробормотал Габ, приподнимаясь на локтях, и спохватился, – к какому такому делу?

– А вот резких движений делать не нужно. Всё-таки вы пережили два гипношока подряд, а это может вызвать некоторые затруднения с координацией.

Габ поёрзал на кушетке, однако встать не решился и так и остался сидеть, свесив ноги и украдкой осматриваясь. Бежевые стены, бежевый пол и потолок. Всё монотонное и стерильное, глазу не за что зацепиться.

Он перевёл взгляд на сидевшего перед ним мужчину. Тот выглядел совершенно спокойным и сразу напомнил Габу психокорректора, к которому его, как и всех поврежденных, приводили раз в неделю для беседы. Невысокий, всегда в светлом, с аккуратной бородкой и вкрадчивым голосом. Жильбер называл их мозгоправами. Но это потому, что Жильбер не мог выговорить слово психокорректор. А тот каждый раз разговаривал с Габом о его чувствах, ощущениях и отношениях со сверстниками. Объяснял, что ничего страшного с ним не происходит, просто иногда случаются сбои, и архив оказывается повреждён. Это, разумеется, не значит, что он, Габ, должен испытывать чувство неполноценности или ущербности. Некоторые, правда, таких мень-

шинство, сознательно отказываются от активации и живут вполне счастливо.

Габ послушно кивал, каждый раз в конце сеанса честно обещал, что при необходимости сам обратится за помощью, старательно выполнял все тесты и без утайки рассказывал обо всём, о чём его спрашивали. Но в глубине души искренне недоумевал, зачем ему всё это нужно?

Своей жизнью Габ был вполне доволен. Звёзд с неба не хватал, но и тупицей, как толстый белобрысый Густав, не был. И друзей у него было много, таких же, как и он сам. Так ведь и школа была особенная. Говорят, именно в таких давным-давно учились все дети. Давно, то есть до появления этой самой активации.

– Вам неуютно без альтерэго? – по-своему понял его замешательство визави.

– Да, в общем, – не стал спорить Габ, – неплохо бы. Если можно, конечно.

– Нельзя, – сочувственно, но твёрдо сообщил мужчина, – пока нельзя. И поскольку вы полностью пришли в себя, давайте начнём. Кстати, меня зовут Жан.

– Габ, – зачем-то представился Габ и сам же смутился.

– Мужчина рассмеялся.

– Я знаю, – сказал он.

– Я в больнице? – спросил Габ. – Я что, заболел? Я не помню, чтобы...

Будто дождавшись кодового слова, память толчками при-

нялась изрыгать воспоминания о событиях последних часов – Эрик с фонариком, падающие люди, пульсирующая татуировка на запястье.

– UVUM, – на пределе слышимости, почти одними губами выдохнул Габ, настороженно уставившись на безмятежно наблюдавшего за его реакцией Жана.

Тот ничуть не изменился в лице, выдержал паузу и легко согласился:

– Совершенно верно. Вас пугает эта аббревиатура? – он небрежно махнул рукой, как бы отгоняя себя что-то невидимое. – Напрасно. Могу с полной уверенностью утверждать, что практически всё, что вы о нас слышали – ложь чистой воды. Но это долго объяснять, Габ, а в нашем распоряжении, увы, очень мало времени. Вы как? Чувствуете себя нормально?

Габ подумал и вынужден был согласно кивнуть.

– Вот видите, – удовлетворённо констатировал Жан, – вы, само собой, не поняли, но наши люди дважды вытащили вас из очень неприятной истории. Многие из них серьёзно пострадали. Один человек погиб. Вы понимаете, Габриэль, что значит – погиб?

– Зачем? – хмуро спросил Габ. Он чувствовал, что запутался окончательно и теперь боялся ляпнуть что-нибудь такое, за что его снова отключат, а там поминай, как звали. – Что вы со мной сделаете?

– На органы точно не продадим, – Жан развёл руками, –

и гвозди в голову вбивать не станем, и казнить публично в качестве акта устрашения тоже не собираемся. Я всё перечислил? Чем там вас ещё устрашают?

– Тогда что?

Жан несколькими плавными движениями большого и указательного пальцев потёр себе переносицу, пристально посмотрел Габу прямо в глаза и произнёс просто, как само собой разумеющееся:

– Проведём активацию.

Габ судорожно сглотнул.

– Но я же, – начал он, однако Жан перебил.

– Видите ли, дорогой друг, у нас, в UVUM, есть весьма серьёзные основания полагать, что ваш архив не повреждён. И никогда не был повреждён. Он тщательно и сознательно закодирован так, чтобы не активироваться при стандартной процедуре. И если мы правы, возможно, благодаря вам удастся решить вопрос, ответ на который мы безуспешно искали не один год. И, кстати, не только мы.

4.

За двести лет до описываемых событий.

Социальная реклама. Сценарий. Пилотный выпуск №1.

Заказчик: Отдел по связям с общественностью Фонда «Наследие»

Целевая аудитория – без ограничений.

Видеоряд:

Саванна. Бескрайнее, до самого горизонта, жёлто-корич-

невое море чуть колышущейся от слабого ветра травы. Чистое, без единого облачка пронзительно синее небо, стрёкот насекомых да крик хищной птицы в вышине. Под одиноким высохшим деревом, скрестив ноги и наклонившись всем телом вперёд, сидит мужчина. Он грязен, худ, волосы на голове и в бороде давно сваялись, но лицо напряжено, а взгляд сосредоточен. Из одежды на нём только затасканная, порванная в нескольких местах набедренная повязка. Тени от голых ветвей мёртвого дерева ползают по земле серыми змеями. Мужчина замирает, прислушивается с опаской, затем, успокоившись, с удвоенным старанием берётся за работу. Заглубившими пальцами с отросшими, поломанными ногтями он старательно вырезает острым камнем углубления на концах сучковатой ветки.

В зарослях травы раздаётся слабый треск. Мужчина вскидывает голову, внимательно, с опаской долго всматривается в монотонную стену травы. Затем торопливыми, но точными и чёткими движениями разматывает заранее обработанную жилу с уже завязанными петлями на концах, и с усилием, упершись одним концом ветки в землю, накидывает петли на вырезанные углубления. Мужчина доволен, он улыбается. Ловко поднявшись на ноги, он накладывает простенькую стрелу на тетиву и прищуривается на невидимую зрителю цель в небе.

Камера смещается, летит вдоль стрелы в синюю высь. Постепенно на фоне неба проступают наскальные рисунки со

сценами охоты.

Голос за кадром:

Время и место не имеют значения. Африка, Азия, Европа... Десять, пятнадцать или сорок тысяч лет до нас... Мы не знаем, как звали этого человека, не знаем, чем закончилась его история. Зато нам известно, с чего начинается наша.

Фонд «Наследие».

Будущее это не только ты.

Социальная реклама. Сценарий. Пилотный выпуск №2.

Заказчик: Отдел по связям с общественностью Фонда «Наследие»

Целевая аудитория – без ограничений.

Видеоряд:

Темнота. Заунывный вой ветра вдали. Звуки удара камня о камень. В неверном отсвете высекаемых искр проявляется лицо мужчины. Он обеспокоен, но собран. Посиневшие губы почти беззвучно раз за разом шепчут заклинание. Всклокоченные, слипшиеся волосы и борода поблёскивают не то сединой, не то нерастаявшим снегом. Глаза запали и почернели, на левой щеке до уголка глаза темнеет глубокий кривой шрам.

Мужчина снова и снова бьёт камнем о камень, пока одна искра, вместо того, чтобы растаять в ледяном мраке, не падает раскалённой каплей на кусочек высушенного мха. Муж-

чина замирает, но уже через короткое мгновение, почти прижавшись изувеченной щекой к стылой земле, начинает бережно раздувать крохотный лепесток пламени. Огонь принимает дыхание человека, жадно поглощает мох, а мужчина уже подкладывает заранее заготовленные сухие тонкие веточки. Пламя принимается лизать ветки, и мужчина радостно вскрикивает.

Ракурс меняется, камера отступает, давая общий план, и теперь в свете небольшого костра видны блестящие от наледи стены узкой пещеры и лица других людей. Это измождённая молодая женщина, укутанная в потрёпанные шкуры. Она прижимает к груди крохотное тельце, почти сомнабулически покачиваясь из стороны в сторону. Мальчик рядом с ней боязливо косится на огонь. Оба дрожат. Мужчина возбуждено произносит что-то гортанное и на лицах женщины и ребёнка начинается проступать понимание и надежда.

Ракурс снова меняется. Камера поднимается вверх, пронзает свод пещеры и вскоре зависает над покрытой снегом ночной долиной, где один за другим вспыхивают десятки, сотни и тысячи огней.

Голос за кадром:

Огонь. Прирученный человеком, покорившийся человеку. Он согревал, кормил и защищал наших предков на протяжении многих тысяч лет. Робкие языки первых неумелых костров поднялись мощным созидательным пламенем человеческой цивилизации, вырывая из мрака прошлое и освещая

путь в будущее.

Фонд «Наследие».

Будущее – это не только ты.

Социальная реклама. Сценарий. Пилотный выпуск №3.

Заказчик: Отдел по связям с общественностью Фонда «Наследие»

Целевая аудитория – без ограничений.

Видеоряд:

Летний парк. Пронизанная солнечными лучами аллея. Мягкий шелест листвы, звонкие голоса детей вдали, непохожие друг на друга пары и парочки на скамейках с причудливо выгнутыми узорными спинками. На середине аллеи трое – мужчина, мальчик и велосипед.

Мальчик сидит прямо на мокром после недавнего дождя асфальте, обхватив колени руками, и хлопает носом. На лбу уже заметная, набухает шишка, на щеке тоненькой струйкой вьётся свежая царапина, а на левом локте темнеет ссадина.

Мужчина присаживается рядом на корточки, тихо произносит что-то ободряющее, осторожно касается рукой царапины на щеке сына. Тот хмурится, обиженно и нервно дёргает плечом, но отец не отступает. Забавно жестикулируя, он с жаром продолжает рассказывать свою историю, и мальчик, только что бросавший на него недоверчивые взгляды, вдруг с неподдельным удивлением переспрашивает и заливисто хохочет. Потом они оба поднимаются.

Мальчик придирчиво осматривает велосипед, решившись, быстро взбирается на него, кивает отцу и, неумело оттолкнувшись ногой от земли, жмёт на педаль.

Отец бежит рядом с вихляющим из стороны в сторону двухколёсным агрегатом и всё равно не в очередной раз не успевает.

Камера, лишь на мгновение задержавшись возле мальчика и его отца, устремляется вдоль аллеи, взмывает ввысь, огибает несколько высоток и оказывается в светлой просторной комнате.

Комната почти пуста. Лишь девочка со скрипкой и стоящая возле неё молодая женщина. На лице девочки смесь обиды и упрямства. Губы сжаты, в глазах блестят затаившиеся слезинки. Она прижимается по-детски пухлой, покрасневшей от долгой игры щекой к подбороднику, пробегает пальцами по шейке грифа и осторожно, словно боясь выдать своё настроение, опускает смычок на струны.

Хрупкая до хрустальности пробуждается мелодия. Вьётся, набирая силу и очарование, пока внезапно не ломается фальшивой нотой. Девочка резко обрывает игру, в бессильном отчаянии отпускает руки и отворачивается, не говоря ни слова. Женщина неслышно вздыхает, делает лёгкий шаг вперёд и, на долю мгновения задержав в воздухе, ласково опускает руку на непослушные, ярко-рыжие волосы девочки. Такие же, как и её собственные.

Голос за кадром:

Наши дети. Как много в них от нас – улыбка, цвет глаз, тембр голоса, мысли, которые они считают своими, слова, когда-то сорвавшиеся с наших уст. Мы готовы отдавать им самих себя без остатка, и каждый раз жалеем, что не можем дать больше того, что в наших силах.

Или можем?

Фонд «Наследие».

Будущее – это не только ты.

5.

А ведь казалось бы, всё начинает налаживаться. Только-только на смену почти животному страху и панике начала приходить умиротворяющая отрешенность. Только-только Габ невероятным усилием воли заставил себя поверить, что ничего страшного с ним больше не произойдёт, что ещё чуть-чуть и всё разрешится ко всеобщему удовлетворению. Вот сейчас с ним поговорят, во всём разберутся и скажут, что это простое недоразумение. А потом его отпустят. Может быть, даже с извинениями. Габ отчётливо, как наяву, представил себе эту картину: Жан с чем-то сверяющийся через альтерэго, хмурый, смущённый, то и дело растерянно и виновато поглядывающий в сторону Габа. Окончательно ступившись, старательно подбирая слова, он признаёт ошибку и обещает немедленно вернуть Габа домой. Габ расплывается в улыбке, ободряюще хлопает Жана по плечу и лицо Жана светлеет, он с облегчением и благодарностью долго жмёт Габу руку, а потом они смеются и расстаются, как хо-

рошие приятели.

Вот так должно было всё закончиться. Вот так и никак иначе.

– Активацию? – собственный голос показался Габу глухим и далёким, словно пришедшим из другой жизни.

Он забыл тот день. Изо всех сил старался забыть и забыл.

Уже неделю, как ему исполнилось семь. На день рождения Габ получил новое альтерэго. Не самую последнюю модель, но куда более функциональную, чем прежняя. Правда, сейчас она находилась в спящем режиме, а на время активации её и вовсе отключат. Таковы правила. Но это ничего, это Габ переживет. Тем более, что активация всего-то через полчаса.

Он сидел на высокой скамейке в приёмной активационного центра и болтал ногами, стараясь носками потасканных за лето и посеревших от уличной пыли сандалий дотянуться до поверхности гладкого, чуть упругого пола. Приёмная была почти пуста – два мальчика, видимо, братья, девочка да он, Габ. Парни бесшумно и сосредоточенно мутузили друг друга с таким скучающим выражением на лицах, что сразу было понятно – дело для них давно привычное и необременительное.

Девочка в лёгком, Габу казалось, воздушном платье ярко-жёлтого цвета с крупными ромашками тихонько и тоненько напевала что-то себе под нос. Девочка Габу очень нравилась, и он подумал, что как только снова можно будет включить альтерэго, он обязательно постарается её разыс-

кать. И возможно, они даже познакомятся. А возможно, и подружатся.

Погружённый в свои мечты, Габ совершенно не обратил внимание на то, как в единственную дверь с периодически вспыхивающей надписью «*Не входить. Идёт активация*» зашёл и вышел сначала один, а потом и второй мальчик. Как легко впорхнула и так же легко выпорхнула, не переставая напевать, девочка в жёлтом платье. Лишь когда она прошла мимо, даже не взглянув в его сторону, Габу вдруг стало до ломоты в висках тоскливо и зябко.

– Габриэль, – немолодая женщина в пахнущем карамелью комбинезоне медработника с усталой улыбкой на красивом лице стояла перед ним и протягивала руку, – ты готов?

Габ молча вложил свою ладонь в мягкую и тёплую ладонь женщины и прыгнул со скамейки.

Предварительная диагностика, ставшая обязательной после пандемии, ожидаемо не выявила никаких противопоказаний.

Габа уложили на кушетку, и та, чуть слышно урча, втянулась внутрь тоннеля, в толстых прозрачных стенках которого плавали, подозрительно косясь на мальчика, большие разноцветные рыбы.

– Они не настоящие, – всё с той же усталой улыбкой пояснила женщина, – некоторых успокаивает. Но ты, если хочешь, можешь просто прикрыть глаза.

Габ подумал секунду и прикрыл.

– Может ощущаться несильное покалывание по всему телу. Не пугайся, это не опасно и быстро проходит.

– Угу, – буркнул Габ, – не размыкая век.

Щёлкнуло, пискнуло, завибрировало.

– Начинаем процедуру активации, – произнесла женщина дежурную фразу.

И пришла Боль.

– Габриэль! Габриэль! Чёрт, да у него шок! Почему данные не полные? Кто отвечал за сбор информации об объекте? Габриэль! Габ! Вы слышите? Смотрите на меня!

О, да. Он слышал. Звуки, глухие и тянучие, как патока, пробивались словно сквозь толстый слой ваты, падали густыми каплями ему на лоб, на затылок, на лицо. Огромная радужной расцветки рыба подплыла совсем-совсем близко, уставилось на него тусклым ничего не выражающим взглядом и вдруг, извернувшись, ударила, что есть мочи, хвостом по лицу.

Габ открыл глаза, дёрнулся всем телом, хрипло застонал, приходя в себя.

Не то, не там, не тогда. Полубезумный взгляд заметался по помещению, кусками выхватывая фрагменты изменившегося пространства. Люди, много, разные. Мужчины и женщины. Те, что в бежевой униформе – растеряны и напуганы. Те, что в мерцающем камуфляже... Откуда они все здесь? Столы, экраны, мониторы, незнакомое оборудование. Запахи... Чужие, пугающие. И прямо перед ним раскрасневшееся, с

крупными пятнами пота над переносицей лицо Жана.

– Здесь. Вы здесь и сейчас, Габриэль, – произнёс Жан, отчаянно ловя его взгляд, – бояться нечего, всё прошло.

Габ и рад бы согласиться, что да, прошло, но слова тошнотворным комом поднимались из желудка по пищеводу, царапали нёбо, и он, наконец, выbleвывал их, кашля и задыхаясь.

– За что?

– Уйдите все! Уйдите вон! – скомандовал Жан, не оборачиваясь и не отводя взгляда от Габа. – Верните полог! Быстро!

И как по волшебству, помещение сузилось до прежних размеров, отсекая, ограждая двоих от остального мира. И выражение лица Жана тоже изменилось, из встревоженного стало холодно бесстрастным, будто не выдержав собственного веса, рухнули старые декорации.

Крякнув с непривычки, он опустился на корточки, а затем, прислонившись спиной к стене, ловко примостился рядом с забившимся в угол, всё ещё дрожащим Габом.

– За что, говорите? – произнёс он изменившимся, лишённым профессиональных интонаций голосом. – Вот вы спрашиваете, за что? А тут другой вопрос нужно задавать. Не за что, а ради чего? Ради чего, понимаете?

– Я умру, – сбиваясь с дыхания, вымолвил Габ, – вы меня убьёте.

– Вас? – Жан уставился на него с неподдельным удивлени-

ем. – Да боже упаси! Вы, Габриэль, на данный момент самый ценный человек на Земле. Впрочем, что это я. Во всей солнечной системе. По сравнению с ценностью, которую представляете вы, все президенты, принцы, истинные и самопровозглашённые кумиры сегодняшнего дня – так, малозначимые субъекты. Прошлогодняя пыль на полке.

– Ценностью? – озадаченно переспросил Габ и икнул.

– Разумеется, – подтвердил Жан и с облегчением вытянул ноги, – вы же не думаете, что Фонду и нам больше делать нечего, как похищать задрипанных, уж простите, фермеров и водить вокруг них многозначительные хороводы?

Габ отчаянно замотал головой.

– Не полезу я в этот гроб. Не уговаривайте. Лучше сразу бейте этим своим гипношоком, или как он там называется. Или палкой по голове. А так, ни за что не полезу.

Жан поковырялся указательным пальцем в ухе, прищёлкнул языком и выдал с нескрываемым сожалением:

– Нельзя. Ни в состоянии шока, ни в состоянии сна или беспомощности. В этом-то и проблема.

– Всё равно, не полезу, – упрямо повторил Габ.

– А давайте-ка выберемся из этого закутка и поговорим, как взрослые, нормальные люди, – предложил Жан неожиданно бодрым голосом, первым легко поднялся на ноги и протянул Габу руку, – ну же, смелее.

Габ скептически покосился на него, шмыгнув носом. Теперь, когда паническая атака отступила, он и сам чувство-

вал, как ноют затёкшие мышцы, а край кушетки больно упирается в бок.

– Всё равно, – начал он и снова закашлялся.

– Посмотрим, – покладисто согласился Жан, подождал, пока закончится приступ кашля, спросил:

– Скажите, Габриэль, вы помните имена учёных, открывших принцип и технологию генной активации?

– Н-нет, – выдавил из себя Габ, снова устраиваясь на кушетке.

– И вам не кажется это странным? Фундаментальное открытие, без преувеличения, изменившее мир. А имена, так сказать, отцов-основателей вы не помните. Разве это не странно? Вам так не кажется?

– Не кажется. Какое мне до них дело? – недовольно буркнул Габ, морщась от очередного приступа головокружения.

– Самое непосредственное, – сообщил Жан, поёрзал, устраиваясь в кресле поудобнее, и закончил совершенно неожиданно, с дурацкой полуулыбкой, – потому, что один из них ваш предок. Ваш пра сколько-то там раз дедушка. Вот такие дела, Габриэль. Вот такие дела.

– Даже, если и так, – неохотно признал Габ и тут же снова насупился, – от меня-то чего нужно? Сами сказали, что пра-пра-пра... Короче, не знаю я никого и толку от меня ноль. Поврежденец я. Поврежденец! Нет во мне памяти предков.

Жан чуть приподнял одну бровь, прищурился.

– А если, – начал он неторопливо, словно размышляя над

чем-то своим, личным, не имеющим прямого отношения ни к Габу, ни к этому разговору, – если я скажу вам, что вы заблуждаетесь и на самом деле с вами всё в полном порядке?

Габ не удержался и хмыкнул.

– Ага, точно. А ещё я прям непризнанный гений. Как вы там говорили? Самый ценный человек в солнечной системе? Так, что ли?

Жан пропустил тираду мимо ушей.

– Да, в общем-то, так.

– Ерунда, – бросил Габ сердито, – это у нас семейное. У родителей тоже были, хм, ограничения.

– Правда? – оживился Жан. – У обоих?

– Нет, – заставил себя ответить Габ, – только у отца. Мама потом его винила в том, что я... Что я такой вот получился. Неполноценный, – в последнем слове против воли проскользнуло болезненное презрение вперемешку с глубокой затаённой обидой – не то на отца, не то на мать, не то просто на судьбу.

– Они развелись. Давно. Года через три после активации.

Жан выждал с минуту, посматривая на Габа, как старый, много чего повидавший на своём веку приходской священник, смотрит на кающегося в пустяковом грехе прихожанина, отнимающего у него драгоценные минуты, потом откинулся на спинку кресла и заговорил быстро и по-деловому.

– У нас очень мало времени, Габриэль. Признаюсь вам, мне совершенно не по душе все эти сеансы психотерапии,

долгие откровенные разговоры и бессмысленное хождение вокруг да около. Я человек действия и будь моя воля, давно нашёл бы способ уложить вас в камеру активации. Но, видите ли, наши великомудрые специалисты убеждены, что всё должно произойти исключительно и всенепременно по вашей доброй воле и с вашего согласия. Только не подумайте, что речь идёт о гуманности! О, нет. Не стану лукавить, и нам, и Фонду лично до вас, фермера Габриэля, нет никакого дела. В этом вопросе мы абсолютно солидарны. Ценность представляет только то, что сокрыто в недрах вашей памяти. То, что мы никак не можем вытащить из вас долбанные десять часов. А между тем, «Наследие» уже полчаса, как вычислило наше местоположение. В данный момент готовится штурм. И если вы надеетесь, что они прибыли исключительно ради спасения вашей дражайшей тушки, то позвольте вас разочаровать. Я неплохо разбираюсь в методах «Наследия» и могу вас уверить, что церемониться они не станут. Так что сейчас я задам вам всего лишь один вопрос. Учтите, Габриэль, что от ответа на него будет зависеть и ваша судьба. Короче, перестаньте ныть, хлюпать носом и строить из себя тупого барана и отвечайте – вы даёте своё согласие на повторную активацию?

Девочка в солнечном платье никогда не взглянет в его сторону. Мама не разбудит утром тёплым поцелуем. Отец не избавится от вьёвшегося в плоть чувства вины. Школа для неактивантов не превратится в школу для нормальных де-

тей. И только ферма, глубоко, до зубовного скрежета и ночного воя ненавидимая, останется с ним навсегда. И это его, Габа, настоящее и будущее. Будущее, в котором только он.

– Да, – хрипит Габ, почти не слыша себя из-за тяжёлого, оглушающего стука сердца.

– Даёте ли вы своё согласие на повторную активацию? – зачем-то переспрашивает Жан, сам бардовый от напряжения.

Габ набирает полную грудь воздуха.

– Да, я даю своё согласие, – кричит он и почти физически чувствует, как с противным чавканьем лопается обволакивающий его мутный и смердящий огромный пузырь самообмана.

– Хорошо, – удовлетворённо улыбается Жан, – очень хорошо, Габриель.

Всё вокруг мигом приходит в движение. Маскирующий полог испаряется, ближайшая стена беззвучно уходит в сторону, уступая место матово-чёрному, как дыра в иную вселенную, тоннелю камеры. Кто-то помогает Габу лечь, кто-то быстрыми аккуратными движениями фиксирует его руки, ноги, туловище и голову.

– Это просто мера предосторожности, для вашей безопасности, – успокаивает Жан, – не обращайтесь внимания.

Габ и не обращает.

Он втягивается в чёрное нутро тоннеля, а может, это сам тоннель плавно надвигается, принимая человека в своё чре-

во.

– Начинаем процедуру активации, – раздаётся там, по ту сторону необратимости.

– Можете прикрыть глаза, – говорит Жан.

Фраза из прошлого искорёженным эхом царапает слух.

– Ну, уж нет, – с невесть откуда взявшейся злостью сквозь зубы цедит Габ, – в этот раз я буду смотреть.

6.

За сто пятьдесят лет до описываемых событий

Фрагмент новостного выпуска канала GNC.

– Здравствуйте. В эфире специальный выпуск, посвящённый главному политическому событию нынешнего десятилетия. Сегодняшний саммит глав государств на Антананариву аналитики в один голос называют беспрецедентным и не имеющим аналогов в истории. Впервые за последние тридцать лет мировая политическая элита встречается не в виртформате, а в буквальном смысле во плоти.

Несмотря на целый пакет вопросов, заявленных в повестке переговоров, ни у кого не вызывает сомнений, что основное внимание будет уделено проблеме согласования позиций и выработки консенсуса в отношении правового статуса деятельности Фонда «Наследие». Другими словами, речь пойдёт о возможности признания факта сохранения и передачи памяти в качестве неотъемлемого права человека. Права, обеспеченного и гарантированного, как государственными, так и наднациональными властными структурами. С нами на

связи наш собственный корреспондент, прямо сейчас находящийся в самой гуще событий. Чжан, вам слово.

– Спасибо, Ранджит. Да, действительно, вы абсолютно правы. Сегодняшнее событие, а в итогах саммита никто не сомневается, без преувеличения откроет новую главу в истории человечества. Нашей с вами истории. Можно сказать, что будущее создается прямо на наших глазах. И все мы в какой-то степени причастны к этому. Возвращаясь в настоящее, могу сказать, что большинство глав государств уже прибыло, и вот-вот, с минуты на минуту ожидается кортеж президента Российского Союза.

В какой-то момент всех здорово заставило поволноваться сообщение о том, что король Аравийского халифата в последний момент всё же предпочёл не присутствовать лично, ограничившись вирт-участием, однако, буквально пять минут назад его величество прибыл собственной персоной. Ну, и конечно... Так, секунду. Да, наконец-то. Прямо за моей спиной сейчас на специально оборудованной площадке перед дворцом Рува садится кортеж президента Российского Союза. Согласитесь, завораживающее зрелище.

–Чжан, высказывались опасения на счёт возможного переноса или даже полного запрета на освещение работы саммита средствами интеркоммуникации в связи с многочисленными выступлениями по всему миру противников соглашения и особенно в связи с угрозами со стороны террористического крыла движения Nonmemini – группировки UVUM.

Можно ли утверждать, что в Антананариву предприняты все необходимые меры безопасности?

– Да, Ранджит. Меры безопасности в Антананариву и в целом на Мадагаскаре предприняты беспрецедентные, что, могу заверить вас и наших зрителей, практически не сказывается на работе журналистов. Хотя противодействие соглашению заметно и здесь. Например, из достоверных источников намстало известно, что буквально вчера была предотвращена информационная атака на портал местного отделения Фонда «Наследие». Однако, в целом на острове и конкретно в столице, царит очень благожелательная оптимистичная атмосфера.

– Благодарю вас, Чжан, мы будем следить за развитием событий и с нетерпением ждать новых включений с международного саммита. А я напомню, что опросы общественного мнения, проводимые, как под эгидой ОСГ, так и национальными службами социологических исследований однозначно подтверждают неизменно высокий уровень поддержки населением большинства государств соглашения о признании права на передачу генной памяти.

Тем не менее, нельзя отрицать и факт наличия серьёзной оппозиции. В этот момент во многих городах планеты продолжаются выступления противников Фонда «Наследие». Несогласные граждане скандируют ставшие уже привычными лозунги *Unavita, unamemoria* и *Свобода памяти – Свобода воли*, перекрывают трассы, проводят несанкциони-

рованные митинги и шествия. По сообщениям полиции подобные проявления активности часто переходят в массовые побоища и столкновения с силами правопорядка. Политическое крыло движения Nonmeminiv этой связи выступило с официальным обращением, призывая своих сторонников избегать незаконных методов борьбы, и сосредоточиться на подготовке к запланированному на следующий месяц первому в истории человечества всепланетному референдуму.

Разъяснить позицию Фонда Наследие по этому вопросу мы попросили руководителя регионального отделения в Южной Африке господина ЯнушаВулчека. Добрый день, Януш. Что ж, как это ни прискорбно, но желаемого единства в отношении деятельности вашей организации мы пока не наблюдаем. Что, на ваш взгляд, лежит в основе столь негативной реакции? Это обыкновенный страх нового и неизведанного? Естественная реакция людей на навязываемые, по их мнению, ограничения? Или просто нежелание прислушаться к голосу разума?

– Здравствуйте, Ранджит. Прежде всего, позвольте поблагодарить вас за предоставленную возможность напрямую обратиться к многомиллионной аудитории вашего канала. Как вы знаете, Фонд «Наследие» проводит активную пропагандистскую политику, опираясь на все доступные средства интеркоммуникации, и мы никогда не отказываемся от возможности в очередной раз донести до людей наши идеи, мечты и чаяния. Что касается вашего вопроса. Здесь предель-

но важно быть объективным и не мазать всех подряд одним миром. Человечество – крайне сложный, разноликий организм. К нему нельзя подходить с некой универсальной меркой. Особенности культурного развития, уровень жизни, моральные и религиозные догмы и правила, межнациональные отношения, менталитет, ценности и табу, природно-климатические условия проживания и даже языковые особенности – это далеко не весь перечень нюансов, которые нам приходится и придётся учитывать.

Поверьте, за почти два десятка лет мы проделали титаническую работу, и я с полной уверенностью могу утверждать, что большая часть протестующий сегодня в полной мере не осознают того, что на самом деле даёт человечеству в целом и каждому, я подчёркиваю, каждому человеку в отдельности передача генной памяти от поколения к поколению. А ведь это ни что иное, как шанс подарить нашим детям возможность не начинать с нуля. Вдумайтесь в эти слова. Не начинать с нуля. Теперь мы в силах предоставить им стартовый капитал, равного которому не было никогда и ни у кого. Открыть перспективы, к которым мы, люди прошлого, пробивались годами, набивая шишки и тратя десятилетия только на обучение и овладение необходимыми знаниями. В наших руках счастье наших детей, наших внуков и правнуков. В наших руках благополучие всей цивилизации. Так скажите мне, разве это не наша святая обязанность?

– Не могу с вами не согласиться. Однако, ваши оппонен-

ты, кроме прочих доводов, неоднократно поднимали вопрос об отсутствии достаточно авторитетных исследований в отношении вреда физическому и психическому здоровью, наносимого процессом архивации и активации. Лично я архивацию своего пакета обновляю каждые полгода и пока чувствую себя прекрасно.

– Безусловно, всё, что связано с жизнью и здоровьем, должно волновать нас в первую очередь. Особенно, если речь идёт о детях. Мне лишь остаётся в очередной раз повторить то, что и так неоднократно заявлял Фонд «Наследие». На сегодняшний день нам не известно ни одного официально задокументированного случая негативных последствий передачи памяти, как для донора, так и для реципиента. Оглянитесь вокруг, среди нас уже подрастает целое поколение активантов. По физическим и психическим характеристикам они ничем не отличаются от своих сверстников в прошлом и настоящем.

– Последний вопрос, Януш. Чего лично вы ждёте от саммита?

– Я уверен, что люди, на чьих плечах лежит тяжкий груз ответственности за судьбы своих народов, примут верное решение. Единственно верное. Они более, чем кто бы то ни было, понимают, что человечество как общность в какой-то момент истории утратило инстинкт самосохранения, оказалось на краю бездонной пропасти, напрочь позабыло исконный, первозаданный смысл своего существования. Мы, Фонд

«Наследие», вернули людям утерянный смысл, вернули веру в будущее, осознание важности и ценности каждого человека. Ценности не как голословной декларации политиканов и демагогов, а как сути бытия. Я верю в это так же твёрдо, как и в то, что будущее это не только мы.

– Благодарю вас, Януш, за подробный ответ и желаю и вам, и всем нам не ошибиться в своих ожиданиях. Напомню, что с нами был руководитель регионального отделения в Южной Африке господин ЯнушВулчек.

Переходим к другим новостям. А, нет, простите. Буквально только что нам сообщили, что стали известны предварительные итоги саммита. Большинством голосов, при трёх воздержавшихся и десяти наблюдателях принято решение о присвоении Фонду «Наследие» статуса наднациональной и надправительственной организации с правом экстерриториальности её структурных подразделений, осуществления деятельности на территории двухсот сорока двух государств и членством в Совете Безопасности Организации Суверенных государств.

Официальная процедура подписания Соглашения и традиционная в таких случаях пресс-конференция запланированы на завтрашнее утро. Что ж, мне остаётся лишь от всего сердца поздравить всех нас с этим эпохальным событием и напомнить, что с вами был я, РаджинтИсихара. Не выскальзывайте из сети, встретимся менее, чем через полчаса.

Боли не было.

Поначалу не было вообще ничего, кроме заполнившего всё пространство мягкого полумрака и ощущения собственного висящего в пустоте тела с периодически пробегающими от затылка до пяток мурашками. Скорее ласковыми, чем неприятными.

В какой-то момент Габ понял, что прислушивается.

Тело отзывалось на еле уловимые вибрации, с готовностью подстраивалось под них, открывалось, как тугой созревший бутон под лучами тёплого утреннего солнца.

Затем Габ ощутил движение. Нечто неспешно поднималось из бездонных глубин памяти. Необъятно огромное, многоликое и многоголосое. Габ напряг чувство, заменяющее ему сейчас слух, в попытке расплести спутанные нити шепчущих голосов и к своему удивлению обнаружил, что они тоже прислушиваются к его мыслям, неуверенно, с опаской касаясь сознания.

– Почему только сейчас? – капризно спросил он. – Где вы были раньше?

Ему не ответили. Но и робости в приближающемся движении Габ больше не ощущал. Напротив, в нём чувствовалась нарастающая уверенность. Так бывает, когда отброшены все сомнения. Так бывает, когда проверка успешно пройдена.

Габ резко открыл глаза. Уставился в потолок. "Я всё время лежу, – пришла в голову несвоевременная мысль, – по-

следние несколько часов я только и делаю, что лежу. Эдак и пролежни заработать недолго".

Он постарался сосредоточиться, выискивая в себе хоть какие-то изменения, хотя бы малую толику того, чего раньше не знал, не помнил, не понимал. И ничего не обнаружил. В груди похолодело. Всё было напрасно. Господи, какие же они идиоты! Как можно было попасться на этот бред? Поверить в подобную чушь? Чокнутые фанатики, что от них ожидать, но он-то, он!

– Воды дайте, – Габ чуть повернул голову, выискивая взглядом Жана. Вставать не хотелось. Вставать не было смысла. На Габа вдруг навалилось такое всепоглощающее безразличие, что появившись здесь сейчас хоть всё «Наследие» в полном составе с тяжёлой артиллерией и дредноутом впридачу, он бы и бровью не повёл.

– Что ты сейчас сказал? Повтори, – вкрадчиво, но требовательно попросил Жан, подходя вплотную и сверля Габа подозрительным взглядом.

– Пить, говорю, хочется, – ворчливо повторил Габ, – вода у вас тут есть?

Язык слушался плохо, цеплялся за зубы, бил по нёбу и всё время норовил принять самое неудобное положение.

Жан кивнул куда-то в пространство, и через секунду перед Габом возник стакан, почти до краёв наполненный пряно пахнущей бардовой жидкостью. Габ приподнялся на локте, отпил глоток, причмокнул и залпом осушил стеклянную

ёмкость.

– Подождите-ка, – растерянно протянул он, тыча пальцем в грудь Жана, – это... Это что такое? Вы же говорили, что из UVUM, а это... Это же эмблема...

Из-под полы расстёгнутого халата Жана виднелся хорошо знакомый логотип корпорации "Заслон".

В своё время Габ провёл не один десяток часов, изучая их каталоги. И когда менял систему дома, и когда заказывал новый киберкомплекс для фермы. Да что там, даже его нынешняя модель альтерэго, и та была продуктом технологии корпорации "Заслон".

– Это как понимать?

Жан только глаза закатил.

– Господи, Габриэль. Ну, нельзя же быть таким наивным! UVUM давно не кучка отмороженных фанатиков. Мы серьёзная организация. Мы владеем солидным пакетом акций «Заслона», – он подумал и быстро поправился, – через подставных лиц, конечно. Через очень подставных лиц. И, разумеется, это не афишируется.

Габ помолчал, переваривая услышанное, потрогал рукой челюсть, пожевал губами.

– Почему мне так трудно говорить?

– Трудно? – переспросил Жан с непонятной интонацией. Габу даже померещились в его словах насмешливые нотки.

– Да, трудно, – раздражённо подтвердил он, – рот болит.

Жан нервно хохотнул.

– Это поразительно! – заявил он, едва сдерживаясь. – Вы в самом деле не замечаете? Габ, дружище, вам трудно говорить потому, что вот уже пять минут вы разговариваете со мной по-русски. Вы отдаёте себе отчёт в том, что это означает?

– Как это, по-русски? – опешил Габ, прикрывая рукой дёрнувшийся уголок рта. – Я не могу разговаривать по-русски. Я никогда не учил...

– Это означает, что пакет активирован! – почти проорал Жан, схватил Габа за плечи и принялся трясти. – Мы потеряли первый контур обороны, – скороговоркой, глотая слова, заговорил он, – два оставшихся продержаться с полчаса. И ещё минут десять-пятнадцать, чтобы найти лабораторию и взломать систему охраны. Время, Габ, время! Вы получили материалы Кузнецова? вспомните, напрягите память. Теперь всё в вашей голове. Ну!

Голова болталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы или бракованного андроида, пока с сухим стуком не ударилась об стену, и Габ, наконец, выпал из состояния прострации.

– Да пошёл ты! – рявкнул он, отталкивая Жана и мигом оказываясь на ногах. – Отвали! Какие материалы? Какой Кузнецов?

Не ожидавший столь бурной реакции Жан, отлетел назад, плюхнулся на задницу и охнул. Рядом мгновенно возникли три мерцающие фигуры с оружием. Жан нервным жестом

остановил их, тяжёло поднялся. Безумный огонь в глазах таял, уступая место ледяному самообладанию.

Какое-то время они стояли, буравя друг друга взглядами: Габ напряжённым из-под сведённых бровей, Жан изучающим и пронзительным.

– Так, – он сжал руками виски и принялся расхаживать из стороны в сторону широкими размашистыми шагами, – результат есть. Это очевидно. Значит, мы что-то упустили. Нужно понять, что именно. Кодовое слово? Кодовое воспоминание? Информация из прошлого?

Он остановился.

– Фамилия Кузнецов вам о чём-то говорит?

Габ помотал головой.

Жан скривился, раздражённо щёлкнул пальцами.

– Тогда будем пробовать всё подряд. Рискнём. На другие варианты времени не остаётся. Как только вы что-то почувствуете – малейшее изменение, сомнение, головную боль, учащение пульса, да хоть понос и изжогу – остановите меня. Вы поняли, Габриэль?

– Понял, – подтвердил Габ.

Вдалеке глухо, но ощутимо ухнуло, отзываясь вибрацией стен и усилившимся напряжением на лицах персонала лаборатории.

Жан сипло вздохнул, на секунду прикрыл глаза, сверяясь с альтерэго или просто собираясь с мыслями и, наконец, заговорил.

– Григорий Кузнецов. Единственный из той группы, кто категорически отказался сотрудничать с Фондом «Наследие». Более того, чудесным образом исчез из поля зрения заинтересованных лиц. Всё то немногое, что известно о его жизни после открытия, буквально собрано по крупицам. Мы знаем, что некоторое время он продолжал работать и даже публиковаться, пока в один прекрасный момент полностью не пропал с радаров. Также известно, что ближе к концу жизни Кузнецов ударился в религию и даже организовал что-то наподобие полигамной секты, успев наплодить аж шесть пар близнецов. Хотя лично я думаю, что эта его внезапно проснувшаяся тяга к духовному... Впрочем, не об этом сейчас. Последние годы Кузнецов активно работал над проектом «Лампа Аладдина». Мы предполагаем, что это может быть связано с одним из побочных эффектов активации – проблемой диссоциативного расстройства личности. Но дальше предположений продвинуться нам не удалось. В сети нет ни намёка. Материальные носители отсутствуют. Да и столько лет прошло. По-видимому, все результаты Кузнецов уничтожил. Или...

– Или?

– Или передал пакетом своим детям, так сказать, по наследству.

– И вы думаете, – неуверенно предположил Габ, – что эти материалы сейчас во мне?

Жан покачал головой.

– Теперь мы в этом практически уверены, – он поднял руку, многозначительно ткнув пальцем в сторону гудящего и вибрирующего потолка, – и мы, и «Наследие». Принципиальная разница в том, что Фонд очень рассчитывает найти в выкладках Кузнецова решение проблемы бессмертия. А UVUM – выход из маячащего на горизонте цивилизационного тупика.

– Но, – Габ почесал макушку, – разве бессмертие – это плохо?

В ответном молчании Жана легко читалось разочарование.

– Физическое бессмертие личности невозможно, – медленно, с расстановкой, как маленькому, пояснил он, – это было доказано ещё сотни лет назад. Уже в наше время подтверждена техническая неосуществимость данной задачи, что связано с так называемой гильотиной самоидентификации как составной части парадокса параллельного двуединства личности.

Габ похлопал глазами, зажмурился и, наконец, сдался.

– Не понимаю, – признался он, – почему невозможно?

Жан размышлял ровно секунду, затем, решившись, кивнул.

– Решение проблемы бессмертия путём создания и сохранения точной ментальной копии абсолютно только на первый взгляд. Если излагать максимально просто, то камнем преткновения является само понятие *копия*. Давайте по по-

рядку. В случае физической смерти индивида в клонированное тело загружается заранее подготовленная ментальная копия личности. При этом изначальная, так сказать, оригинальная личность никоим образом не восстанавливается. Она умерла, прекратила существование в физическом мире и больше не существует. Разумеется, для окружающих это не будет иметь равным счётом никакого значения. Воскрешённый таким образом человек ни на йоту не будет отличаться от оригинала. Только это не имеет ничего общего с настоящим бессмертием. Какое вам дело, Габриэль, если после вашей смерти другая личность в другом теле под вашим именем, с вашей внешностью и вашими воспоминаниями проживёт ещё десятки лет? Вы, именно, вы, Габриэль, этого никогда не увидите, потому что останетесь мёртвым. Мёртвым навсегда. Это и есть гильотина самоидентификации. Так понятно?

В голове словно надували воздушный шар, в ногах появилась предательская слабость.

– Дальше, – невозможная пульсирующую в голове боль, вымолвил он, – UVUM.

Снова ударило. Уже ближе и настойчивее.

Жан болезненно поморщился.

– В отличие от «Наследия» UVUM никогда не считал идею бессмертия перспективной. Нас куда больше волновало и сейчас беспокоит другое. Человечество движется к своему закату, Габриэль. Как бы неправдоподобно и парадок-

сально это ни звучало. Судите сами, самым ценным капиталом в нашем мире являются знания и опыт. И вот этот-то капитал с каждым десятилетием всё более обесценивает себя в глазах общества. С некоторой натяжкой этот процесс можно назвать инфляцией разума. Подобную злую шутку когда-то сыграло с человечеством распространение интернета, образа современной инфосферы. Предполагалось, что свободный доступ миллионов к практически любой информации и возможность мгновенного обмена ею откроет неограниченные, невиданные доселе перспективы в развитии. Выведет нас на совершенно иной уровень. На деле же всё оказалось, куда прозаичнее. Вместо того, чтобы совершить качественный скачок, человечество принялось стремительно глупеть. Действительно, зачем тратить силы и время на то, что можно легко найти по первому клику. Да и среднестатистический культурный и интеллектуальный уровень населения оказался куда ниже ожидаемого. Нечто подобное сейчас происходит с нами. Только масштабнее и трагичнее. Вам известен, Габриэль, средний возраст деторождения? А среднее количество детей в семьях? А тот факт, что за последние пятьдесят лет общий уровень образования снизился на сорок процентов, в то время, как индекс счастья настойчиво рвётся вверх? Впрочем, откуда вам это может быть известно. Мы вымираем, Габриэль. И нам для этого оказались не нужны ни природные или техногенные катастрофы, ни мировые войны, ни пандемии. Мы утратили пассионарность, утратили

волнующее, пьянящее предвкушение будущего, вкус страсти к познанию.

Жан невесело усмехнулся и совсем уже тихо закончил:

– Каких только вариантов конца света не напридумывало человечество за свою историю, а исчезнет с лица Земли по совершенно банальной причине. Вымрет от скуки и отсутствия любопытства.

Габу было нехорошо. Шар в голове раздулся и пульсировал, волнами накатывала мелкая дрожь, слабость в ногах стала невыносимой, а перед глазами снова замельтешили надоедливые мушки. Даже звуки достигали его слуха с опозданием, накладываясь друг на друга и усиливая боль в висках и затылке. Он опустил на пол, ссутулился и обмяк.

– Габриэль? – голос, как из колодца, одновременно глухой и звенящий. – Вам плохо? Быстро! Нужно привести его в чувство. Да быстрее же!

Шеи коснулось холодное и мокрое.

Габ невероятным усилием воли отмахнулся, прошептал одними губами:

– Кузнецов.

– Несколько лет назад, – после паузы, показавшейся бесконечной, продолжил Жан, – в очередной раз зайдя в тупик в своих исследованиях, «Наследие» вдруг вспомнило про Кузнецова. Было тщательнейшим образом пересмотрено и проанализировано всё, что осталось от его работ. Обнаружилась подозрительная тяга к продолжению рода на старости лет и

туманные упоминания о проекте «Лампа Аладдина». После чего были сделаны соответствующие выводы и предположения. Мы, UVUM, эту активность обнаружили с некоторым опозданием, агентурная сеть, знаете ли, не бывает идеальной. Но поиски ныне живущих потомков Кузнецова начали практически одновременно. Всего, разбросанных по миру, их, хм, вас оказалось сорок пять. А дальше началась большая игра на опережение. Последняя операция прошла вчера. Правда, без накладок не обошлось, чему, к большому нашему сожалению, вы стали невольным свидетелем, но зато в этот раз, судя по всему, удача нам улыбнулась. Вы, Габриэль, тот самый, единственный, кому через поколения достался пакет Кузнецова. Остальные оказались просто пустышками, обманками, если хотите. Вынужден признать, старикан был не только талантлив, но и чертовски дальновиден.

Габ уплывал в обволакивающую долгожданную тишину. Силы почти покинули его. Даже дыхание лёгким облачком витало где-то над головой, готовое в любой момент раствориться в убаюкивающей дымке.

– Камеру, – проговорил он и испугался, что Жан не услышит.

Но Жан услышал. Склонился над ним, спросил взволнованно, с потаённой надеждой на такой нужный ответ:

– Уверены? Два сеанса за день... Вообще-то, это недопустимо.

– Камеру! – всем существом взвыл Габ и, наконец, поте-

рлял сознание.

8.

За девяносто восемь лет до описываемых событий.

Фрагмент обращения Свободного движения Nonmeteni к избирателям.

Сегодня, в преддверии второго тура голосования мы, Свободное движение Nonmeteni, обращаемся к вам, друзья, всецело полагаясь на ваш разум, здравый смысл и человечность.

Вам предстоит нелёгкий выбор. Выбор не только за себя, но и за детей, внуков и правнуков, ибо от вашего завтрашнего решения в очередной раз зависят судьбы нескольких поколений.

Мы полностью осознаём, насколько тяжкий груз лежит на ваших плечах, на ваших сердцах, тревожным набатным звоном отдаётся в ваших душах. Мы разделяем эту боль и ответственность, потому что Nonmeteni это не просто политическая организация. Nonmeteni – это вы сами. Ваши мучительные сомнения, ваши сорванные и онемевшие голоса, ваши оскопленные надежды, ваша попранная свобода.

Наше движение огульно обвиняют в препятствии прогрессу, приписывают нам нелепые и абсурдные призывы к патриархальности, к отказу от достижений современной науки. Не гнушаются прямым подлогом, чтобы очернить наше имя, замарав его якобы существующей связью с террористами и радикалами из UVUM. Цинично упрекают нас в эгоизме и

высокомерии, неуважение к памяти предков. Другими словами, делают всё, чтобы лишить нас естественного права человека на собственное мнение, на собственную правду. На собственную память!

Движение Nonmeteni с негодованием отвергает все лживые обвинения и наветы.

Наша память о прошлом светла, чиста и бескорыстна, в отличие от корыстной, насквозь пропитанной стяжательством потребительской идеологии «Наследия» и его приспешников.

Наше движение укоряют в отрицании положительных перемен в обществе, главной причиной которых называют исключительно навязываемую, так называемую передачу генной памяти.

Но вдумайтесь, столь ли однозначны достижения, которыми так кичатся наши оппоненты?

Спросите себя, действительно ли мир изменился? Действительно ли изменилась ваша жизнь?

«Наследие» внушает вам мысль, что у человечества впервые в истории появился реальный шанс навсегда оставить в прошлом проблему социального неравенства. Что главными критериями успеха теперь являются не власть и богатство, а знания. Точнее опыт и знания, полученные от родителей и приумноженные затем многократно.

Nonmeteni заявляет – это ложь.

Спросите себя – ваши дети, дети ваших родственников,

друзей, приятелей – кто-нибудь из них смог подняться на следующую ступеньку социальной лестницы? Кто-нибудь вырвался за пределы чётко очерченного круга? Много ли среди ваших знакомых тех, кто сумел продолжить образование в Академиях, по чистому совпадению и исключительно из соображений благотворительности финансируемых Фондом «Наследие»? Спросите себя об этом и ответ придёт сам собой.

На наших глазах складывается новая, по сути своей кастовая система, основанная на строгой регламентации и жесточайшем, хоть и тщательно завуалированном, делении общества по принципу доступа к разным уровням образования, а значит, и разным уровням право и дееспособности. Нас просто делят на породы. Делят, как скот.

Мы, Nonmemeni, заявляем, что технология передачи памяти не раскрепостила, а напротив, загнала общество в ещё более жёсткие рамки. И это, не говоря о так называемых поврежденцах, по сути низведённых до состояния маргиналов.

Нам старательно внушают мысль об окончательной победе над преступностью, о наступлении эры социального мира, ссылаясь на то, что теперь человеческая жизнь, как никогда, бесценна. Лозунг «Посягательство на жизнь есть посягательство на память! Посягательство на память есть посягательство на будущее» – этот лозунг одновременно и справедлив, и насквозь лицемерен.

Мы, Nonmemeni, заявляем, за внешним благополучием и

благопристойностью скрывается гигантский спрут нелегального рынка генетического материала. Чёрный рынок нашего времени – это чудовище, которое повергло бы в ужас главарей самых кровавых преступных сообществ прошлого. И щупальца этого спрута пронизывают все стороны нашей жизни.

Нам твердят об эпохе подлинного народовластия, не удосуживаясь пояснить, как это сочетается с ничем не ограниченной властью «Наследия»? «Наследия», ставшего единовластным хозяином человечества. Вашим хозяином.

И, наконец, самый трудный, самый болезненный вопрос – вопрос о свободе воли. Заветная мечта любого родителя – обеспечить своему ребёнку лучшее будущее. Однако, вдумайтесь, не в этом ли заключается самая иезуитская ловушка нашего времени? Передавая своим детям готовый набор знаний, не лишаем ли мы их тем самым естественного права выбирать, сомневаться, преодолевать и получать удовольствие от преодоления? Не лишаем ли мы их права быть людьми? Людьми свободной воли.

Спросите себя об этом. Но не торопитесь отвечать. Прислушайтесь, возможно в этот момент вам настойчиво нашёптывает нужный ответ кто-то другой?

Мы, Свободное движение Nonmemeni, выступаем за немедленный запрет обязательной архивации и активации памяти любого человека.

За немедленное лишение Фонда «Наследие» всех экстра-

ординарных прав и полномочий.

За возвращение государствам внутреннего суверенитета.

Мы выступаем за право каждого прожить собственную жизнь.

За свободу совести, за свободу памяти.

Голосуйте за Свободное движение Nonmemeni.

Будущее это вы!

Unavita, unamemoria.

Одна жизнь, одна память.

9.

– Здравствуй, внук.

– Здравствуй, дед.

– А вот тут ты не прав. Твой пра-много-раз-дед, Григорий Кузнецов, давным-давно умер, а то, что сейчас с тобой разговаривает, всего лишь фрагментарный слепок его личности. Хороший такой слепок, не спорю. Для себя делал. Язык понимаешь? Мне из своего времени никак не угадать, какой там, в будущем, будет тебе родной. Так что пришлось ещё и языковую составляющую отдельно кодировать.

Габ вслушался в смысл и звучание речи, особых затруднений не уловил и пожал плечами.

– Понимаю.

– Здорово, – искренне обрадовался дед, – значит, поговорим. Не каждому, знаешь ли, выпадает шанс перекинуться парой слов со своим далёким потомком. Кстати, настолько ты далёкий, а, потомок?

Габ растерялся. Смысл слова *далёкий* на чужом для него языке, который вдруг по прихоти этого старика из прошлого стал почти родным, ускользал, раздваивался и уводил в разные стороны, как развилка в лесочке возле его фермы.

– Чего?

– Похоже, что недалёкий, – саркастически заметил дед, – как зовут?

– Габ. Габриэль.

– Габриэль, – протянул дед, – понятно. Какой у вас год?

Габ ответил.

– Ого, – присвистнул Кузнецов, – долго же меня искали. Или приспичило?

– Я не очень понимаю, – нахмурился Габ, – До сегодняшнего дня я о твоём существовании понятия не имел. Жил себе, фермой занимался. Потом появились люди из UVUM, стрельба, и вот это вот всё.

– Значит, UVUM оказался шустрее. Что ж, это даже к лучшему, – забормотал дед, прикидывая что-то в уме, потом вспомнил о чём-то важном, встряхнулся, сверкнул глазами, – Так ты один или вскрыли всех потомков?

Странно, но Габ понял.

– Один, – подтвердил он, – мне сказали, что нашли всех. Но то, что им нужно, есть только у меня.

– Угу, – формально посочувствовал дед, снова погружённый в свои размышления.

До Габа внезапно дошёл весь сюрреализм происходящего.

Он разговаривает с человеком, которого давно нет на этом свете, разговаривает на языке, которого ещё полчаса назад не знал, разговаривает о странных и жутких вещах, которые, сейчас он был в этом абсолютно убеждён, навсегда сломали ему жизнь.

Обида породила злость. Злость придала уверенности.

– Рассказывай, – властно потребовал он.

Лёгкая усмешка, заинтересованный взгляд, чуть заметное движение бровей.

– Гены пальцем не раздавишь, – одобрительно хмыкнул Кузнецов, – а то мямлит, мямлит. Я уж подумал, выродилась кузнецовская порода. Ан нет.

– Рассказывай, что им от меня нужно? – скрежетнул зубами Габ.

– От тебя ничего, – равнодушно отозвался дед, – от меня им нужно. И, насколько я понимаю, каждому своё. Скажи-ка, «Наследие» уже гоняется за бессмертием?

– Вовсю, – обронил Габ, вспомнив падающих искорёженных людей.

Кузнецов фыркнул совсем по-стариковски.

– Дурни. Передай им, что это невозможно.

– Передам, – пообещал Габ, решив не вдаваться в подробности.

– Передай, что даже пожизненная синхронизация не поможет, – как бы не слыша, настаивал Кузнецов, – быть собой и одновременно быть отчуждённым от собственного «я»,

это, позволь тебе доложить, та ещё пытка. Такого расщепления сознания ни одна психика не выдержит. На себе проверял.

Габ поёжился, против воли, ощутив, каково это.

– Наверняка надеются таким образом не допустить массового помешательства, – ворчал дед, – затем резко оборвал сам себя и спросил, мигом посерьёзнев:

– Или допустили?

Габ промолчал.

– Много?

– Много, – коротко подтвердил Габ.

Кузнецов пожевал губу, витиевато выругался вполголоса.

– Значит, не получилось предотвратить. Жаль, – заключил он и сразу, без перехода, нарочито бодрым голосом, отчего у Габа зашевелилось в груди холодное и безнадёжное, сообщил, – и, тем не менее, это не самое страшное.

– Есть подвох? – догадался Габ.

Кузнецов отвёл взгляд.

– Это не подвох, – произнёс он уклончиво, – это закономерность. Или расплата. Природа, она, знаешь ли, не дура. И она очень не любит, когда кто-то смешивается в установленный ею порядок вещей.

– Расскажи, как всё было, – попросил Габ, – я не смогу ничего объяснить, если не разберусь сам.

Кузнецов тяжело вздохнул, закашлялся на выдохе. Тонкими, почти женскими пальцами, похожими на сухие веточки,

потёр покрасневшие глаза.

«Старый, – мелькнула у Габа мысль, – какой же он старый».

– У нас хорошая команда тогда собралась, – заговорил, наконец, дед, – и все однофамильцы, представляешь? Ох, и хохмили ты по этому поводу! Амбиций было... Думали, горы свернём. Авторитеты – вон с корабля передовой науки! Идеи сыпались, как из рога изобилия, одна другой безумнее. Одним словом, есть, что вспомнить. А потом поступило предложение. Анонимное и заманчивое. Очень заманчивое. Наисовременнейшее оборудование, неограниченный бюджет и полная свобода действий. В условиях полной секретности, разумеется. И только одна задача. Тоже безумная. От нас требовалось теоретически доказать или опровергнуть саму возможность сохранения и последующей загрузки полной ментальной копии личности. Причём, и положительный, и отрицательный результат никак не влияли на сумму оплаты. Мы тогда не задумывались, кому и зачем это понадобилось. Мало ли на свете богатых чудачков. К тому же, когда ты молод и полагаешь себя гением, любая проблема, не имеющая решения, воспринимается как вызов. И мы этот вызов приняли. Вскоре выяснилось, что одной теории нам недостаточно. За техническую составляющую проекта отвечал как раз я, и мне это здорово помогло потом. Много позже.

– А спустя четыре года, – продолжил Кузнецов после небольшой паузы, – когда апломба и самоуверенности значи-

тельно поубавилось и пришла пора представлять заказчикам промежуточные итоги, выяснилась любопытная вещь. Оказалось, что если полноценную копию личности ни сформировать, ни сохранить и тем более перезагрузить в носителя не представляется возможным, то вот отдельные, регулируемые аспекты – технически очень даже да! И самое главное, такой искусственно сформированный информационный пакет можно было записать в геном и буквально передать по наследству. Первую экспериментальную установку триединого цикла – формирование, архивация и активация – мы даже успешно испытали. Не на людях, разумеется. Это заняло бы годы, а то и десятилетия. В ходе испытаний практическое подтверждение нашла и ещё одна рабочая гипотеза: качество сепарации и записи того или иного знания и умения обратно пропорционально приложенному объектом усилию по освоению оных.

Габ вопросительно поднял бровь.

– Говоря совсем уж простым языком, – спохватился Кузнецов, – прописать в геноме умение, например, вытирать себе нос оказалось на порядок сложнее и энергозатратнее, чем, например, навык виртуозной игры на скрипке. Возможно, в этом и заключалась одна из ключевых проблем целостности ментальной копии. Возможно, в этом заключалось и её решение. Вот только довести работу до конца нам не дали.

Он снова умолк и несколько секунд не говорил ни слова. Только взгляд, обращённый далеко в прошлое, то туманил-

ся, то вспыхивал воспоминаниями.

– Они перекрыли нам всё. Все ресурсы, все каналы. Изъ-
яли все материалы. Сразу после презентации, – теперь Куз-
нецов говорил тихо, почти шёпотом, но в голосе отчётливо
различались нотки горечи и отчаянной решимости, – Разу-
меется, наивными мы не были. Образ учёного-затворника,
чудного и немного не от мира сего к нам не имел никакого
отношения. Напротив, мы были идеалистами и вполне отда-
вали себе отчёт в том, в каком безграничном возможностям
прикоснулись. Поэтому и решение было быстрым и едино-
гласным. Не стану раскрывать все подробности, ибо некото-
рые секреты не имеют срока давности, однако, скажу, что
кое-какие лазейки всегда можно отыскать. Мы на скорую ру-
ку скомпоновали в двух вариантах всё, что смогли воспроиз-
вести по памяти, и выложили в сеть. Естественно, это боль-
ше напоминало околонуучный бред и поначалу закономер-
но не вызвало ничего, кроме насмешек и нездорового инте-
реса разного рода сторонников конспирологических теорий.
Неудивительно, ведь ни стройной теоретической, ни надёж-
ной доказательной базы мы предоставить не могли. Но на-
дежда оставалась. Да и не было у нас ничего, кроме надежды.

– Ты, как будто, ждал смерти, – прервал его Габ.

– Потому что так и было, – легко согласился Кузнецов, –
во все времена за великие тайны расплачивались именно че-
ловеческими жизнями. Другой цены эти тайны не признают.
Мы бы просто исчезли. И никто и никогда не докопался бы

до истины.

– Тогда зачем? – выпалил Габ, искренне недоумевая, – Какой смысл?

– Смысл? – эхом отозвался Кузнецов, и надтреснутый старческий голос зазвенел от напряжения, – Смысл был. И ещё какой! Тебе в этом твоём будущем не понять. Мы, люди, завязли, что те древние динозавры в битумных озёрах. Нам нужен был толчок, пощёчина. Да что там, хороший такой пинок под зад нам был нужен, чтобы выбраться из цивилизационного тупика, в который сами же себя и загнали. Из смертельной трясины противоречий, из липкого, убаюкивающего сумрака самообмана. Человечество истосковалось по великой идее! Понимаешь, великой! Идее, ради которой стоило бы жить, стоило бы строить будущее. Строить, а не проживать и прожжёвывать. Не ради бесконечного самоудовлетворения, не ради приторных потребностей мелкой душонки обывателя. Ради великой идеи! У наших предков такая идея была. Названия и суть могли различаться, но идея всегда была, Габ! Мы отреклись от прежних, и не нашли новую. Так и жили, будто подкидыши – без имени, без звания, без смысла. Подумай сам, «Наследие» и UVUM в сущности играли в одни ворота. И ведь хорошо играли, мерзавцы, а?

Габ словно наяву увидел корчащихся в судорогах людей в мерцающем камуфляже, кровавые отшмётки, разлетавшиеся от смятого в гармошку овоида, и его передёрнуло.

– А потом поменялась власть, – как ни в чём ни бывало

продолжал Кузнецов, – незаметно и быстро. Очень высоко или наоборот очень глубоко кто-то кого-то основательно так подвинул. И тогда, как чёрт из табакерки появилось «Наследие», а нам, всей группе, предложили вполне официальное сотрудничество. Да только я отказался.

– Почему?

– Потому что уже тогда догадывался, чем всё это закончится, – доверительно сообщил Кузнецов, – прогностические модели раз за разом показывали один и тот же итог. Менялись лишь незначительные детали. Так, статистическая погрешность. Я решил, что с меня достаточно покровительства сильных мира сего и перешёл на нелегальное положение.

– Так это ты придумал UVUM? – догадался Габ, потрясённый открытием.

– Ну уж и придумал! – скромно возразил Кузнецов, но самодовольно прищурился. – Там и без меня волна поднялась будь здоров. Не придумал, конечно, но пару идей подкинул и с организацией на первых порах помог, тут отрицать не стану. Чего ты глаза вылупил? На то и щука в море, чтобы карась не дремал. А вообще, если серьёзно, когда вся эта синекура с дармовыми знаниями схлопнется, очень важно, чтобы остались люди, которые не впадут в панику или депрессию, не будут рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом, бегая в одних трусах по руинам с воплями «Всё пропало!» Люди, которые возьмут на себя ответственность

сохранить достигнутое и смогут двигаться дальше без комплекса неполноценности. Кстати, до руин, я надеюсь, дело не дойдёт.

Габу показалось, что он ослышался. Нет, конечно, он ослышался.

– То есть, как это, схлопнется? – с трудом выговорил он, на самом деле всё уже понимая, – То есть...

10.

За десять лет до описываемых событий.

Учебник «История постинформационного общества». Рекомендован для общеобразовательных учреждений с наличием классов для учащихся-неактивантов. Соответствует Международному ретроградно-традиционному образовательному стандарту (IRTES). Издание десятое, дополненное.

Заключение.

В пятое десятилетие XXI века человечество вступило в состоянии нарастающего системного кризиса (*ссылка – аудио/видео/ментал*). Кризисное состояние было вызвано целым рядом причин, среди которых, прежде всего, следует указать следующие.

Мировая экономика переживала очередной период затяжной рецессии, что проявлялось не только в макроэкономических показателях, но и заметно сказывалось на уровне жизни населения большинства стран (*см. рецессия, макроэкономика//ссылка – аудио/видео/ментал*). Социоло-

ги и экономисты в один голос провозглашали конец эпохи неограниченного потребления даже в наиболее развитых государствах Северного полушария.

Череди последовавших друг за другом социально-политических, идеологических и этнических конфликтов, как локальных, так и региональных, окончательно обесценили прежнюю архитектуру международных отношений.

В некоторой части общества всё более явственно ощущался экзистенциальный кризис. Набирающий силу мировоззренческий вакуум не удавалось в полной мере заполнить ни традиционным и новым религиозным течениям, ни философией покаяния, ни спорадическими волнами гендерного экстремизма, ни попытками поставить во главу угла старую проблему экологического обновленчества. Утрата общего, единого ориентира развития, а также обострение, как старых, так и новых противоречий между Севером и Югом, Западом и Востоком поставили мир на грань глобального конфликта (*см. экзистенциальный, гендер, экстремизм//ссылка – аудио/видео/ментал*).

Поэтому революционное по своей сути открытие, сделанное международной группой учёных-генетиков, поначалу не было оценено по достоинству. И только благодаря активной пропагандистской и просветительской деятельности Фонда «Наследие» технология передачи генной памяти перестала восприниматься, как шарлатанство и постепенно заняла подобающее ей место, в конечном итоге коренным образом из-

менив жизнь людей.

Существенные перемены коснулись всех сфер жизни. Прежде всего, потребовалась основательная перестройка системы образования с одновременной её унификацией. Это позволило на порядок сократить период человеческой жизни, тратившийся прежде на получение образования, высвободить колоссальный интеллектуальный потенциал.

Значительным корректировкам подверглась и существовавшая в большинстве стран того периода экономическая модель. Так государства, первыми вставшие на путь генно-технической революции в исторически короткий период времени вышли в признанные лидеры в области экономического и научно-технического развития.

Резко возросшая конкуренция на мировом рынке и угроза оказаться на периферии мировых экономических процессов в конечном итоге вынудили к переходу на технологию генной архивации даже те страны, которые в силу религиозных, этических и иных причин долгое время не признавали сам факт генно-технологической революции.

Постепенно, путём проб и ошибок десятилетие за десятилетием человечество уверенно вступало в новый период своего развития, получивший название постинформационного общества.

Как любой процесс отмирание старого, отжившего и становления нового, более прогрессивного, переход на новый этап не обошёлся без негативных побочных эффектов, так

называемых болезней роста. Серьёзной проблемой, вызвавшей самые горячие дискуссии, стала неравномерность, а точнее, разноуровневость активации у разных индивидов. Уже через полтора десятилетия после начала массового внедрения обнаружилось, что только семьдесят пять – восемьдесят процентов населения вне зависимости от расы, пола и других физиологических особенностей способны к полному раскрытию пакета памяти. Примерно у пятнадцати процентов населения архив при активации оказывался частично повреждённым и, наконец, около пяти процентов обладали врождённой мутацией, полностью исключающей положительный результат.

Это ожидаемо породило волну неоконсервативных протестных выступлений и стало косвенной причиной появления целого ряда экстремистских организаций, среди которых особо выделялось движение UVUM, оформившееся в итоге во влиятельную силу. К сожалению, радикализм и огульное отрицание фактов, ставшие визитной карточкой UVUM, привлекли в их ряды значительное число сторонников. Откровенно демагогические лозунги находили отклик в умах той части населения, что оказалась не готова к принятию неизбежных перемен. Как в далёком прошлом луддиты громили станки, видя в них угрозу своему благополучию, так и сторонники UVUM считали генно-технологическую революцию тупиковой ветвью общественного развития, регрессом под маской прогресса и предрекали человечеству вы-

рождение и гибель. Пик своего влияние, как любые паразитирующие на страхе и невежестве силы, UVUM пережило в период разразившейся ментальной эпидемии (*см. луддиты, ментальная эпидемия//ссылка – аудио/видео/ментал*).

Причины события, получившего неофициальное название «Безумное шестилетие», давно выявлены, проанализированы и устранены навсегда. Однако следует признать, что это был один из самых тяжёлых и критичных моментов в новейшей истории. Взрыв спонтанного и массового диссоциативного расстройства идентичности за неполные семь лет унёс жизни более десяти миллионов человек по всему миру.

Несмотря на тяжёлые последствия пандемии, совместными усилиями кризис был преодолён. Получив серьёзный урок, мировое сообщество усвоило его и провело работу над ошибками. Кроме определённой корректировки технологии передачи памяти были предприняты шаги в общественно-политическом и правовом направлениях.

Так одним из важнейших документов эпохи явилась Конвенция о праве памяти, ратифицированная подавляющим большинством государств.

В Конвенции, ставшей стержнем современной системы международного права, закреплялась обязательная процедура архивации памяти всех граждан в возрасте от двадцати до шестидесяти лет, и гарантировалось незыблемое право граждан, достигших возраста семи лет, выразить своё согласие на активацию или отказ от неё.

Дорогие выпускники!

Вы вступаете во взрослую жизнь. Там, за пределами школьных стен, огромный сложный, но прекрасный мир. Волею случая вы оказались в числе тех, кто невосприимчив к памяти предков. Однако это ничуть не умаляет вашей значимости и ценности для общества. Неактивированная память – это не приговор. Это возможность начать с чистого листа.

За прошедшие с начала гено-технологической революции столетия человечество добилось многого. Целая череда настоящих прорывов в науке позволила решить почти все глобальные проблемы, грозившие человечеству ещё несколько поколений назад. Мы забыли, что такое голод, искоренили большинство самых опасных и неизлечимых заболеваний, увеличили среднюю продолжительность жизни до немыслимых прежде ста десяти лет, проложили широкую и безопасную дорогу в ближний космос. Да, мы, люди, в полном смысле этого слова стали космической расой.

Мощный взлёт культуры прошлого столетия подарил человечеству такое количество гениев и шедевров, что по праву получил название Второго Возрождения.

И всё же самые главные, буквально тектонические сдвиги произошли в мировоззрении людей. Мы перестали оглядываться на прошлое, не позабыв и отринув, но усвоив и приняв его как неотъемлемую суть самих себя. Нам стало недостаточно жить только настоящим, ибо настоящее есть одновременно продолжение прошлого и колыбель грядущего, как

вдох и выдох. Мы научились видеть на несколько поколений вперёд. Мы научились отвечать на ещё не заданные вопросы ещё не рождённых потомков. Мы сами стали и теми, и другими. Мы осознали всю полноту ответственности перед будущим. Временами нам было трудно и тяжело. Вам тоже будет непросто. Поэтому помните – будущее это не только вы! Удачи!

11.

– То есть, как это, схлопнется? – с трудом выговорил Габ.

– Вот именно, мой мальчик, – подхватил недосказанное Кузнецов, – ты всё верно понял. Процесс, который мы запустили – по глупости ли, самонадеянности или ради всеобщего счастья, теперь это уже не имеет ровным счётом никакого значения – этот процесс изначально не предусмотрен ни биологической, ни социальной эволюцией. Помнишь, я сказал, что природа не дура? Она ещё и весьма неразборчива в методах. Когда миллиарды лет борешься за право жить и оставлять потомство, просто некогда учиться видеть разницу между милосердием и жестокостью. Да и нет в природе таких понятий. Почувствовав угрозу, она без тени сомнения жертвует большинством особей ради спасения вида в целом. Два основополагающих инстинкта, две неубиваемые программы всего живого – самосохранение и продолжение рода. Не желая того, мы нанесли удар именно по ним. Человеку не дозволено жить слишком долго, как не дозволено жить чересчур благополучно. Говорят, художнику, чтобы

творить, необходимо оставаться голодным. Человеку, чтобы оставаться человеком, необходимо преодоление. Постоянное и бескомпромиссное. Извечные грёзы об умеренной пресыщенности – всего лишь уловка сознания, малодушное стремление к безответственности. Фантом неразвитого интеллекта.

Кузнецов умолк. Молчал и Габ. Какие-то слова, вопросы, обвинения и укоры, накопившиеся за годы, прошедшие с того злополучного дня, и теперь переполнявшие его, бестолково толкались в голове, как шарики в настольной игре, никак не складываясь во что-то цельное и осмысленное. В самый важный, самый главный вопрос. Но вот один шар, чуть задержавшись на краю лунки, лениво скатился вниз. За ним второй, третий, четвёртый.

– Почему ты не предупредил? Почему не выступил открыто? Почему спрятался? – Габ и сам не понимал, чего было больше в этом вопросе – обвинений или желания оправдать.

Кузнецов не обиделся, не рассердился. Только в очередной раз пожал плечами.

– Во-первых, я возлагал большие надежды на UVUM и вижу, что не напрасно. Как постоянный раздражитель и механизм сдерживания, организация со своими задачами научилась справляться ещё при моей, хм, жизни. Во-вторых, свои догадки и подозрения мне удалось подтвердить и обосновать теоретически лишь много лет спустя. Работа в одиночку, да ещё кустарным способом не способствует мгновен-

ному научному прогрессу, знаешь ли. И потом, ты сильно недооцениваешь потенциал информационного воздействия, которым с самого начала обладало "Наследие". Силы были явно неравны. В конце концов, я смирился. Но не сдался.

– И завёл себе гарем? – язвительнее, чем следовало бы, поддел старика Габ.

Лицо Кузнецова просветлело, разгладилось и будто помолодело. В глазах сверкнули шальные искорки.

– А здорово придумал, правда? – с нескрываемым восторгом отозвался он. – Хорошее было время...

– Что с нами будет? Со всеми нами? – Габ, наконец, нашёл главный вопрос.

– Жизнь, – спокойно и открыто глядя прямо в глаза, сказал Кузнецов. – Обычная. Сложная. Прекрасная. Человеческая.

– И всё? – поразился Габ, – Это и есть твои великие тайные знания? Вот за этим годами гонялись UVUM и "Наследие"? Ради этого погибали люди? Ради этого я сам того гляди сдохну?

– Да, жизнь, – нисколько не смутившись, повторил дед, – только не сразу. Если я правильно учёл все погрешности, внутренние и внешние факторы, могущие возникнуть и повлиять на конечный результат во временном промежутке от двухсот пятидесяти до трёхсот лет после моей смерти, то, – он прищурился, прикидывая, – то у вас есть ещё лет двадцать-двадцать пять.

– А потом?

– А потом начнётся выхолащивание генома, – сообщил Кузнецов таким тоном, словно речь шла о чём-то само собой разумеющемся, – избавление сперва от избыточного материала, а вскоре...

"Мы утратили пассионарность, утратили волнующее, пьянящее ощущение будущего, вкус страсти к познанию" – вспыхнули в голове слова Жана.

– Вырождение, – понял Габ, – вот, что нас ждёт.

Кузнецов, в этот раз недовольный тем, что его перебили, шевельнул белёсой бровью, но спорить не стал.

– В общем, да. Прогноз именно такой. Но это прогноз, а не приговор.

Он вдруг спохватился, засуетился, выражение лица сделалось тревожным, а в глазах колыхнулась тоска.

– Я рад, что они нашли тебя, мальчик мой, – быстро заговорил он, – правда, рад. Ты не представляешь, какое это огромное счастье – вот так просто поговорить. И неважно, что я не настоящий Кузнецов. Всё равно я его частичка, я тоже немного он. И сейчас я уйду. Это необходимо. Часа через три у тебя начнут появляться признаки диссоциативного расстройства. Это плохо, опасно и ставит под удар весь замысел. Но ты переживёшь, ты справишься. Очнёшься, покопайся в памяти. Я там набросал кое-что. Так, принципы, схемы, рекомендации. Не панацея, конечно, но поможет. Обязательно поможет. Вам всем. Я уверен. Знай, я ни о чём не жалею, ни

в чём не раскаиваюсь. Я и сейчас убеждён, что тогда мы поступили правильно. Прощай, мальчик мой. Живи. И прости старика.

– Постой, – задыхаясь в нахлынувшем отчаянии закричал Габ, – не уходи! Не оставляй меня...

Он рывком поднялся. Воздух с трудом пробивался в лёгкие. Голова гудела и кружилась.

Рядом, привалившись спиной к стене весь какой-то расстрёпанный, взлохмаченный и обманчиво спокойный сидел Жан. Сидел и курил, стряхивая пепел прямо на кушетку.

Было тихо. Очень тихо.

– Они затеяли переговоры, – сообщил Жан и презрительно скривился, – испугались, что мы тебя ликвидируем, кретины.

– Я видел Кузнецова, – с трудом выдавил из себя Габ, – я с ним разговаривал.

Его переполняло новое, прежде не знакомое ему, поврежденцу, щемящее чувство причастности к чужой памяти.

– А толку? – безучастно отозвался Жан, даже не повернув головы в его сторону. – Они нас блокировали. Полностью. Слишком разные весовые категории. Прямого противостояния нам никогда не выдержать. "Наследие" победило. Мы проиграли. Все мы проиграли.

– Ещё нет, – Габ помотал головой отчего всё вокруг завертелось бешеной каруселью, – прикажите открыть двери. Впустите их. У меня есть информация. Для всех нас.

Жан на несколько секунд задержал на нём пристальный, пронизывающий взгляд, но возражать не стал. Бросил окурок на стерильный пол и спросил всё ещё недоверчиво:

– И что ты нам скажешь?

– Я – ничего, – признался Габ.

Он чувствовал себя непривычно взволнованным и достойным своего права. Как будто за спиной невидимый всеми, кроме него, Габа, стоял кто-то сильный, решительный, излучающий непоколебимую уверенность. Стоял и ободряющее многозначительно молчал.

– Я – ничего, – повторил он гораздо твёрже, поднимаясь и выпрямляясь во весь рост, – с вами будут говорить двести лет истории. Говорить о "Наследии", об UVUM, о будущем. Потому что будущее – это уже не вы.

В оформлении обложки использовано изображение, взятое на ресурсе <https://ru.freepik.com/>

https://ru.freepik.com/free-photo/bright-dna-with-a-human-figure_854599.htm

Background фотосоздан(a) kjpargeter – ru.freepik.com